

ний и кладовых. Таким образом, в плане дом представляет как бы букву Т. В жилых помещениях найдено большое количество обломков краснолаковой посуды, тарелок, мисок, чашек конусовидных, кувшинов, светильников, а также обломков кухонной посуды и черепиц.

В кладовых найдено громадное количество обломков амфор, черепиц, небольшое количество обломков пифосов, несколько фрагментов краснолаковой посуды и 12 свинцовых скреп. Обломки керамики дают возможность говорить о нескольких типах амфор, но большинство обломков относится к одному типу: короткое горло, пологие плечи, орнаментированные желобками, длинный корпус, увеличивающийся в диаметре книзу и затем круто переходящий в полукруглое дно, оканчивающееся небольшим выступом. Дно и нижняя часть корпуса амфоры желобчатые. Ручки амфор, большей частью, плоские и желобчатые. Амфоры сделаны из красной глины, покрыты белой обмазкой. На горлах некоторых амфор есть монограммы и надписи красной краской. В углу кладовой на глубине 0,55 м найдена скульптура Кибелы из инкерманского известняка, являющаяся уникальным памятником Херсонесского музея (рис. 3). Скульптура, безусловно, местной работы, датируется материалом II века н. э. Это первая находка Кибелы в поселениях Гераклеяского полуострова.

Археологический материал, обнаруженный в кладовых, дает основание считать, что земледелие было основным занятием жителей этого поселка. К вышеизложенному о кладовых следует добавить, что в кладовой, примыкающей к дворику, обнаружено шесть гнезд для пифосов, вырубленных в скале (рис. 4).

Дворик служил, вероятно, местом домашней работы и, в частности, приготовления пищи. Полom дворика служила в южной половине ровная скала, а в северной — насыпь в вырубке скалы (выруб сделан, вероятно, в эллинистическое время). В центре дворика в скале обнаружен выруб, заполненный золистой землей, камнями с копотью и кусочками угля. Нет сомнения, что это был очаг. Недалеко от очага вдоль юго-западной стены находятся гнезда для пифоса, вырубленные в скале; в северо-восточном углу обнаружена «камера», вырытая в земле и частично выдолбленная в скале и выложенная камнем; «камера» имела хозяйственное назначение. В культурных наслоениях дворика найдены два хорошо сохранившихся глиняных светильника, бронзовая игла для вязания сетей, обломки пифосов, амфор и очень мало черепиц. Дворик, вероятно, не имел крыши.

Раскопанное здание существовало длительное время, несколько раз перестраивалось. Однако основной его план оставался прежним. Перестало существовать поселение не позже, чем в IV в. н. э. Материал ранне-средневекового времени отсутствует.

В. Лисин

Научно-исследовательская работа одесского Исторического музея (Археологические раскопки)

За последние годы одесский Исторический музей произвел ряд работ, связанных с изучением культурного прошлого территории г. Одессы и Одесской области.

Самое название «Одесса» родилось из предположения, что на высоком плато (район Приморского бульвара) против порта находилась древнегреческая колония «Одессос». Действительно, земляные работы, произведенные здесь в начале XIX в., дали фрагменты древнегреческой керамики. Однако поиски здесь поселения не увенчались находкой строительных остатков. Целый ряд авторов, останавливавшихся свое внимание на местонахождении древнегреческой колонии в районе Одессы (Бларамберг, Стемповский, Беккер, Брун, Штерн, Пападимитриу), ограничивались исключительно теоретизированием по данному вопросу, не делая попыток разрешения его практически путем раскопок. Только раскопки Одесского музея 1929—1930 гг.

в предместье Лузановке, произведенные в очень скромных размерах, открыли строительные остатки древнегреческого поселения.

Раскопки были возобновлены в 1937 г. на средства, отпущенные Наркомпросом Украины. Работа производилась под руководством старшего научного сотрудника музея проф. В. И. Селинова. Вскрытая рядом с прежним раскопом площадь в 400 кв. м, на глубине, не достигавшей и одного метра, дала очень выразительные остатки каменных фундаментов и мостовых. Внутри помещений оказались остродонные амфоры, некоторые почти в целом виде, фрагменты привозной (чернолаковой и краснофигурной), а также местной посуды двоякого рода хорошего качества, изготовленной на гончарном круге, и грубой серой, типично скифской, сделанной лепным способом. Эти раскопки были продолжены в 1938 г., когда дополнительная площадь таких же размеров дала возможность отчетливее представить характер этого древнего поселения: ясно обозначился ряд помещений, вплотную примыкавших одно к другому и служащих, вероятнее всего, складами, план двух улиц, пересекавшихся под прямым углом, и небольшой площади (улицы и площадь были вымощены известняком). Изучение керамического материала показало, что это поселение могло существовать в течение IV и III вв. до н. э. Строительным материалом для зданий и мостовых был местный понтический известняк и привозившийся сюда из северных районов Хаджибейского и Куяльницкого лиманов известняк сарматский. Эпиграфический материал (клейма на амфорных ручках, английские клейма, graffiti), изученный проф. А. С. Коцеваловым, подкрепил датировку древнелузановского поселения IV—III вв. до н. э. Интересно, что среди клейм, определенных А. С. Коцеваловым, встречаются фасосские, предположительно, книдские и, так называемые, синопские (может быть, северно-причерноморские). «Родосская клейменная Керамика, преобладающая в Ольвии и хорошо представленная в Керчи, в Лузановке совершенно отсутствует» (А. С. Коцевалов).

Большое количество костей домашних животных, собранных в течение двух-летних раскопок, было обработано проф. А. А. Браунером.

Их изучение показало следующее:

1) рогатый скот низкорослый; длина его костей почти тождественна с таковыми из мелких курганов вокруг Чертомлыцкого кургана, вблизи Никополя; при этом очень важной явилась находка комолого черепа, подтверждающая фактически сообщения Геродота, что у скифов был безрогий скот;

2) лошадь также низкорослая; по черепу очень близка курганным лошадям Б. Тираспольского уезда, Херсонской губернии;

3) овца среднего роста;

4) коза, сколько можно определить по одному цельному рогу, видимо, может быть отнесена к овце энеолита (*capris hircus Kelleri*);

5) собака, по черепу тождественная с украинской лайкой.

Подавляющее количество амфорной посуды и нежилой характер открытых помещений свидетельствуют о торговом характере открытого поселения, а ввиду преобладания фрагментов местной керамики над импортной, далеко не первоклассной, правильнее было бы назвать эту колонию греко-скифской факторией, которая могла быть филиалом либо Ольвии, либо Тиры.

Разведка, произведенная летом 1938 г. директором музея К. А. Раевским вдоль левого берега Куяльницкого лимана, в районе, прилегающем к установленной фактории, обнаружила остатки древних поселений на довольно большом расстоянии. Пробная раскопка на этом месте дала фундаменты трех каменных помещений, поставленных одно за другим вплотную, причем встреченная внутри этих помещений керамика относится не только к греко-скифской эпохе (фрагменты остродонных амфор), но и к более поздней (краснолаковая тарелка местного производства и византийского типа амфора). Таким образом, перед музеем стоит сейчас задача изучения ряда древних поселений земледельческого характера (найжены зернотерки), которые питали примыкавшую к ним факторию и продолжали существовать после ее исчезновения.

Археологическая разведка, произведенная небольшой экспедицией Одесского

музея летом 1938 г. по высокому правому берегу Куяльницкого лимана (склон Жеваховой горы в сторону соседнего Хаджибейского лимана) дала подъемный материал в виде обломков амфор и типичной скифской керамики. Кроме того, в ряде пунктов в ямах от выемки поверхностной земли и срезах обнажились известняковые камни, напоминавшие собой плиты строений Лузановской фактории.

В архиве Одесского музея (дело № 72) сохранилось известие, что в 1924 г. ему был передан от частного лица «ряд мелких керамических фрагментов расписной ионической керамики VII в. до н. э., найденной на 2-м мысу Куяльницкого лимана», а в прошлом году в музей была доставлена из кургана вблизи Тилигульского лимана (с. Березовка) остродонная амфора архаического типа. Эти находки позволяют думать, что времени основания фактории у входа в Куяльницкий лиман предшествовал, вероятно, длительный период спорадических связей греческих купцов с местным степным населением по ближайшим лиманам. Все эти данные говорят о необходимости подробного изучения берегов приодесских лиманов.

В 1935—1937 гг., по поручению музея, В. И. Селиновым были произведены раскопки близ с. Петровского (в 60 км от Одессы), где находится группа курганов. В одном кургане в 1935 г. под насыпью в неглубокой грунтовой яме был обнаружен костяк мужчины в вытянутом положении, на груди которого оказались череп и конечности лошади. В другом (1937 г.)—под насыпью вокруг центрального погребения оказались на одном горизонте известняковые камни, уложенные в виде круга, образуя род кромлеха. В могильной яме глубиной около метра находился деревянный гроб, почти совершенно истлевший. Костяк лежал в вытянутом положении, а у левого бока лежала серебряная с позолотой, великолепно орнаментированная (диаметр—0,12, высота—0,03 м) чашечка. Здесь же найдены костяные накладки на колчан, тоже орнаментированные, фрагменты железных стрелок со стержнями и некоторые другие невыразительные обломки из истлевого железа.

Определение костей лошади первого кургана, произведенное А. А. Браунером, показало, что она почти тождественна с курганными лошадьми Тираспольского района и с лошадью тюркского погребения XIII—XIV вв. б. Верхнеднепровского уезда. Изящная серебряная чашечка по размерам, фасону и характеру орнаментации совпадает с такой же чашечкой одного из Тираспольских курганных погребений, описанных покойным В. И. Гошкевичем. По джучидским монетам Тираспольских курганов и новооткрытое курганное погребение вблизи Одессы можно датировать концом XIII или началом XIV в., относя его ко времени господства в Причерноморских степях Золотой Орды.

С 1921 г. Одесский музей производит раскопки в пригородном с. Усатове, где открыто древнее селище вместе с курганными и бескурганными погребениями, относящимися ко второй половине II тысячелетия до н. э. Раскопки 1936—1938 гг., в которых участвовали Е. Ф. Лагодовская и В. И. Селинов, дали особенно интересный материал. Керамика селища и курганов ведет нас к последней стадии Трипольской культуры, а курганные скорченные погребения говорят о новых социальных формах жизни в эту эпоху. Богатые центральные захоронения курганов с обнаруженными около костяков импортными кинжалами, расписными чашами и изящными сосудами, имеющими веревочный орнамент, сопровождаются под курганной насыпью сооружениями из известняковых плит в виде одного или двух кругов (кромлехи), с дополнительными захоронениями по кругу и иногда с покойниками без ям, положенными на древнем горизонте вблизи центральной могильной ямы.

Пышность похоронного обряда с установленными следами прощального шествия родичей к могильной яме в момент погребения указывает на высокое положение этих лиц в родовой организации. А покойники, обнаруженные вблизи центральной ямы без всякого инвентаря, положенные прямо на землю, иногда в сильно скорченном положении, как будто говорят о рабах-слугах, сопровождавших своего начальника в загробную жизнь. Кости животных, исследованные проф. А. А. Браунером и И. Г. Подопличкой, обнаружили богатую фауну, бывшую предметом охоты этих древних поселенцев (олень, сайга, тур, бобр, кулан и др.), и ряд домашних животных, судя

по количеству костей игравших ведущую роль в хозяйственной жизни этих древних обитателей Причерноморья, занятых, кроме того, земледелием (мотыги и зернотерки) и рыболовством (кости осетра, сома, грузила). Небольшое количество кремневых орудий (скребки, ножи, наконечники стрел), найденных на месте селища, сопровождается медными шильцами, медными и серебряными ножами, встреченными в погребениях. Особое внимание привлекают открытые бескурганые погребения с бедным керамическим инвентарем, видимо, относящиеся к рядовым обывателям родового поселения. Раскопки 1937 г. среди плит кромлеха одного из курганных погребений обнаружили значительных размеров плоскую известняковую плиту (не полную) с резными и рельефными изображениями человека в кругу животных: оленя и, вероятно, лошадей. Плита должна была выполнять какую-то магическую функцию.

На январской сессии Института археологии Академии наук УССР в Киеве, где предметом обсуждения были последние достижения в области исследования Трипольской культуры, доклад о раскопках в с. Усатове, сделанный заведующим отделом первобытного общества Е. Ф. Лагодовской, привлек всеобщее внимание и явился новым вкладом в изучение Трипольской культуры. В нынешнем году Институт археологии предполагает выпустить отдельный сборник, посвященный «Усатовской культуре», в котором примут участие научные работники Одессы (Е. Ф. Лагодовская, В. И. Селинов, А. В. Добровольский, А. А. Браунер) и центра (Т. С. Пассек и др.).

Летом 1938 г. были предприняты Одесским музеем раскопки в с. Саботиновке, Грушковского района (северо-западная часть Одесской области). В экспедиции работали Е. Ф. Лагодовская и А. В. Добровольский. Раскрытые на высоком берегу Буга участки дали прекрасные остатки Трипольской культуры (кремневые резцы, наконечники стрел и копий, роговые мотыги, фрагменты керамики с резным штампованным и расписным орнаментом, изделия из кости и пр.), которые находились на месте жилищных площадок с остатками строительных обожженных плиток. Интересной особенностью открытого поселения в Саботиновке является тот факт, что под слоем Трипольской культуры обнаружен подстилающий его более раннего времени — неолитический. Кроме того, над слоями Трипольской культуры оказались, правда, не в непосредственной связи с ними, слои со скифской лепной керамикой. На пойменной террасе Буга, в некотором отдалении от места раскопок, но в том же с. Саботиновке, разведкой была открыта неолитическая стоянка, вероятно, предшественница неолитического подстилающего слоя трипольского поселения. Уже после окончания работ экспедиции, в декабре 1938 г., музей получил извещение от своего корреспондента, колхозника С. И. Чуба, что при рытье силосной ямы саботиновские колхозники вблизи самого села (хутор Красное озеро) натолкнулись на глубине около 1,5 м на группу древних сосудов. Командированный в Саботиновку П. В. Третьяков произвел на месте разведку и доставил в музей фрагменты обнаруженных сосудов. Их склейка дала один сосуд высотой в 0,65 м, с характерным орнаментом в виде валика под венчиком; валик не замкнут, а спускается сближенными концами в виде утолщенных гирлянд. По валику сделаны косые нарезки. Другой сосуд, средней величины, имеет замкнутый валик с образованными по нему путем вдавливания пирамидками неправильной формы. Эти сосуды, относящиеся к раннескифской поре, вместе со скифским культурным слоем на месте раскопок как будто указывают на то, что в районе Саботиновки мы имеем дело с населением, жившим там без каких-либо перерывов с незапамятных неолитических времен вплоть до скифской поры, медленно прогрессируя в своем развитии.

Раскопки Одесского музея 1938 г. привлекли к себе внимание провинциальных музеев (Днепропетровский, Проскуровский), которые командировали на место раскопок своих младших научных работников для повышения их квалификации и проведения практики полевых археологических работ.